

окопы (102), землянки, партизанская война (98), раненые, рельсовая война (94), атаки (93), здания, превращённые в груды камня и кирпича (88), оборона (87), бомбёжки (86), траншеи (86), концлагеря по всей Европе (84), поддержка, помощь (78), подполье (74), могилы, сожжённые живые люди (72), госпитали, убитые (68), спасение раненых, голод, холод, казни (64), гетто (63), падающие от голода, усталости и слабости труженики тыла (62), расстрелы, пожары, похороны (58), сбитые самолёты (46), свечи в землянках, горящие танки (42), дым (31), медсёстры на поле боя, потопленные корабли (28), торчащие трубы обгоревших печей (23), виселицы, смрад (14), пожары (12), командные пункты (9).

Как и в предыдущих реакциях, в ответах студентов цитируются строки из стихотворений и песен: «Взлетел расцеплённый вагон! / Пожары... Беженцы босые... / И снега по уши в огонь / Вплываем мы с тобой, Россия!...» (И. Сельвинский); «О, горе мне! Они тебя сожгли...» (А. Ахматова); «Чорны прыгнёт акупанці...»; «Смага, смага – / Бачу Брэст, паўзучь да Буга, / Пад шрапнельнай завірухай, / ледзь жывыя абаронцы...»; «Мы бачылі... / І матак зваряцельных / Ля нежывых дзяцей...» (П. Броўка); «Пепел, выжженные селенья... / Тени виселиц на снегу...»; «Детей теряли матери, а дети / Теряли детство!»; «А на снегу, как гроздьё горьких ягод, / Краснела кровь...» (Н. Рыленков); «Из этого рва подымается горе. / Горе без берегов... // Нет, об этом нельзя словами... / Тут надо рычать! Рыдать! // Семь тысяч расстреленных в мёрзлой яме...» (И. Сельвинский).

Всё это воссоздаёт многоплановый образ войны, характеризуя его с разных точек зрения.

Таким образом, на основе данных ассоциативных экспериментов на стимул «война» можно выделить некоторые общие направления ассоциирования. С одной стороны, захватническая война воспринимается как нечто страшное и ужасное, трагическое, несущее смерть, страдания, мучения, горе, потери, утраты, разрушения. Она бесчеловечна и жестока, противоестественна. Она антипод жизни, свободы, радости, счастья, созидания, любви.

И в то же время для советских людей она освободительная, священная, святая,

великая, справедливая, овеянная славой, в ней проявились самые высокие гражданские и личные качества советских людей: патриотизм, беспримерное мужество, верность долгу и присяге, стойкость, самоотверженность, бесстрашие, величие души, отвага, надёжность, взаимовыручка, выносливость, уверенность в Победе, сообразительность, мудрость, рассудительность, смекалка. Эмотивно-экспрессивные лексемы, характеризующие эмоции и чувства советских людей, поливариантны, включая, с одной стороны, достаточно большое количество ассоциативов отрицательной направленности (ужас – страдания – страх – боль – слёзы – рыдания, ненависть к врагу, предателям) и соответствующую эмоциональную характеристику (тяжёлые, мрачные, жуткие, подавленные, враждебные); амбивалентны, среди которых – «ярость благородная», злорадия «горькая и святая» (А. Твардовский), жестокая радость, жуткая радость. С высокой нагрузкой представлены в ответах студентов экспрессивные лексемы, характеризующие эмоции радости, ликования, восторга, чувства любви в многочисленных её проявлениях: любовь к Родине, к ближнему, к близким и родным, жене, невесте, возлюбленной.

В ядерной зоне выделяются также атрибутивные характеристики эмоций, как патристические, вдохновляющие, сильные, глубокие, священные, радостные, торжественные, тяжёлые, горькие, злые.

В ответах студентов представлены также ассоциаты, расширяющие эмоциональный элемент концепта за счёт реакций, характеризующих эмоции и чувства участников войны, партизан и подпольщиков. Они представлены разными частями речи: любовь к родине и родным, ненависть к врагам, предателям, прощанье, патриотизм, страдания (при потере одного из близких), известии о смерти близких, оккупации городов и сёл, горечь, скорбь. Особо выделяются такие реакции, как верность долгу, желание защитить свою землю, народ, «большие города и маленькие деревеньки», поля и леса.

Оценочный слой концепта с позиций характеристики личностных качеств врагов включает реакции, отражающие такие направления ассоциирования, как жестокость, бесчеловечность, безжалостность, лютость,

остервенелость, уничтожение гармонии, красоты.

Её последствия для советских людей и врагов в чём-то совпадают, ибо война всем несла смерть, гибель, разрушения, хаос, трагедию.

Вместе с тем для советских людей этот концепт включает и иные репрезентанты: слава, бессмертие, подвиг, свобода, благодарность человечества, вечный огонь, «праздник славы мировой» (А. Твардовский). Для врагов – бесславие, позор, страшная бездна, неизгладимое чувство вины, горе, проклятия, страх перед возмездием.

Категория ралии войны репрезентируется у испытуемых ассоциатами, отражающими триггерные, тяжёлые стороны войны, актуализованные такими направлениями ассоциирования, как смерть – гибель – убийство – виселицы – казни, похороны, пожары – разрушения – пепелища, голод – холод – бомбёжки – артиллерийские обстрелы – танковые наступления, налёты самолётов, окопы – землянки – траншеи – партизанские стоянки, медсёстры на поле боя – госпитали – спасение раненых, сраже-

ния – атаки – оборона – падающие от голода, усталости труженики тыла – подполье – освобождение – победа.

Беженцы, оборванные, голодные люди, торчащие, обугленные печные трубы, пепелища – это тоже реалии войны, о которых пишут студенты. И вместе с тем, утверждают испытуемые, народ и в этих условиях может и поплясать, когда придут письма от родных, и прокричать «Ура-а-а!», победив в бою или узнав об освобождении очередных «пятей» родной земли, и спеть песню в минуты передышки, и выпить фронтовые 100 граммов или объять в них полученные ордена и медали. А главное – верить в Победу.

Таким образом, как и в предыдущих структурах ассоциативного поля, с концептом «война» связаны образ страшный, драматической картины гибели и разрушения, но, прежде всего, – нежелание смириться, покориться, стремление к сопротивлению, уничтожению врага, война с ним до победного конца, величие духа, счастье трудной победы, гордость за то, что «одолели, победили всех врагов в боях за Родину святую» (А. Коваленков).

В заключение следует отметить, что анализ репрезентированного в реакциях испытуемых ассоциативного слоя изучаемого концепта показывает его связь с другими слоями этого концепта, представляя его различные грани, фиксирующие многоаспектность концепта, его содержательную наполненность в языковом сознании студентов, участвовавших в формирующем эксперименте.

Рекомендуемая литература

1. Алефиренко, Н. Ф. Проблема вербализации концепта: теоретические исследования / Н. Ф. Алефиренко // Введение в когнитивную лингвистику / Н. Ф. Алефиренко. – М., 2004.
2. Залевская, А. А. Психолингвистический подход к проблеме концепта / А. А. Залевская // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: сб. ст. – Воронеж, 2001. – С. 36–44.
3. Леонтьев, А. А. Основы психолингвистики / А. А. Леонтьев. – М.: Смысл, 2003. – 286 с.
4. Материалы XIV Международного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации // Вопросы психолингвистики. – 2003. – № 1. – С. 19–29.
5. Фрумкина, Р. М. Психолингвистика / Р. М. Фрумкина. – М.: Академия, 2001. – 315 с.
6. Сазонова, Т. Ю. Различные подходы к трактовке концепта / Т. Ю. Сазонова // Слово и текст в психолингвистическом аспекте: сб. науч. тр. – Тверь: ТГУ, 2000. – 102 с.
7. Белянин, В. П. Основы психолингвистической диагностики / В. П. Белянин. – М.: Тривола, 2000. – 248 с.
8. Василевич, А. П. Исследование лексики в психолингвистическом эксперименте / А. П. Василевич. – М., 1987.
9. Русский ассоциативный словарь: в 4 т. / редкол.: Ю. Н. Караулов, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов [и др.]. – М., 1994–1996.
10. Cleason, J. B. Psycholinguistics / J. B. Cleason, N. B. Ratner. – 1993.
11. Kess, J. E. Psycholinguistics / J. E. Kess. – 1992.